

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И НАРОДНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА КАК ОСНОВА ЕГО ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

© 2017 г. Е.Г. Синякина^{1*}

**ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия*

e-mail:

Почтовый адрес: г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, 128456, Россия

Аннотация. Большое количество факторов (природный, географический, социально-бытовой, религиозный и др.) предопределили своеобразие психического мира русского человека и самобытность русской культуры. Основной и наиболее глубокой чертой русского народа принято считать религиозность. Именно религиозность русского народа, укорененная в православном христианстве, большинством исследователей этого вопроса рассматривается в качестве глубинного основания русского менталитета. Православие, как основная доминанта русского национального самосознания, сформировало в русском народе религиозность, стремление к абсолютному добру, любовь к ближнему, смирение, кротость, сознание своей греховности и несовершенства, жертвенность как готовность отдать свою жизнь “за други своя”, соборность и патриотизм. Именно в Православии заключен религиозный источник русской стойкости и терпения, выносливости и силы жертвенности русского народа.

Ключевые слова: русское крестьянство дореволюционного периода, уровень религиозности и народного благочестия, духовно-нравственное развитие

Особенности образа жизни и деятельности русского крестьянства, его бытовой культуры, географические условия формирования народа России и

¹Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБУН Института психологии РАН.

еевразийский статус, многовековые традиции и Православие как духовное ядро русской культуры предопределили *своеобразие психического мира* русского человека.

Русский крестьянин трудился не только на ниве земной, но и на ниве духовной – над совершенствованием своих душевных качеств, стараясь вытравить «сорняки зла» и посеять «семена добра», «сотворить храм» в своей душе (Коринфский, 1994, с. 510).

Более всего на Руси любили человека *душевного, сердечного, совестливого*. «Душа-человек» – высшая архетипическая похвала у русских. Основной и наиболее глубокой чертой русского народа Н.О. Лосский считал *религиозность* и связанное с нею *искание абсолютной правды* (Лосский, 1991, с. 241). Согласно Ф.М. Достоевскому, все народные начала, которыми вызывают восхищение, почти сплошь выросли из Православия (Достоевский, 1994, с. 138). «Русский дух насквозь проникнут религиозностью», – писал С.Л. Франк (цит. по: Лосскому, 1991, 243). Именно *религиозность* русского народа, укорененная в православном христианстве, большинством исследователей этого вопроса рассматривается в качестве *глубинного основания* русского менталитета (В.В. Розанов, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьёв, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Ф.М. Достоевский, С.Л. Франк, П.А. Флоренский, Г.П. Федотов, Л.П. Карсавин, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, И.С. Бунин, И.С. Шмелёв и др.).

Православие, как основная доминанта русского национального самосознания, сформировало в русском народе *религиозность, стремление к абсолютному добру, любовь к ближнему (братство), смирение, кротость, сознание своей греховности и несовершенства, жертвенность (готовность отдать свою жизнь «за дру'ги своя»), соборность и патриотизм*. Эти качества формировались в соответствии с евангельскими идеалами добра, правды, милосердия и сострадания. Именно в Православии заключен

религиозный источник *русской стойкости и терпения, выносливости и силы жертвенности* русского народа.

Христианство, пишет Г.П. Федотов, попало в России на благодатную почву: уже в Киевской Руси, до монгольского ига, оно было усвоено в своей подлинной сущности, именно как *религия любви* (цит. по: Лосский, 1991, с. 242). «В дальнейшей истории Руси, вслед за высшими слоями общества и благодаря влиянию великих святых также низшие слои населения усвоили христианство настолько, что идеалом народа стала не могучая, не богатая, а “Святая Русь”» (там же, с. 243).

Стремление покаяться, прикоснуться к святыне, жажда праведности, желание жить по-Божьи было, по мнению И.С. Шмелёва, идеалом России, внутренним стержнем, который держал всю русскую жизнь. Скажем об этом словами И.А. Ильина, ближайшего друга и единомышленника И.С. Шмелёва: «Русь именуется Святою не потому, что в ней “нет” греха и порока; или что в ней “все” люди – святые... Нет. Но потому, что в ней живет *глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском ее*... – и для этого оставить земное и обыденное царство заботы и мелочей, и уйти в богомолье. *И в этой жажде праведности человек прав и свят при всей своей обыденной греховности*» (курсив мой – Е.С.) (URL: Ильин).

Религиозность являлась той характеристикой, которая отвечала нравственному идеалу подавляющего большинства крестьян (Громыко, 1991, с. 111). С уставом Русской православной церкви крестьяне соизмеряли свою жизнь. Вся бытовая сторона жизни крестьянской семьи регулировалась нормами, канонами и правилами православной веры с ее обрядами, постами и праздниками. Русский земледелец строго следовал заветам своих предков, был верен исторической традиции.

Одним из подтверждений силы его религиозности является следующий аргумент. Русский народ издавна почитал Светлый праздник Воскресения Христова и настолько близко воспринял Православие, оно так глубоко «проросло» в народную душу и русскую ментальность, что в честь главного христианского праздника Пасхи – Воскресения Господня – русский народ называет свой еженедельный праздничный день (Кураев, 2012, с. 29).

Об этом же свидетельствуют многочисленные сведения, поступавшие от

корреспондентов этнографических обществ, изучающих русское крестьянство, проживающее в разных районах России. В них отмечаются *православный образ жизни и подлинно христианское мировоззрение* русских крестьян дореволюционного периода. Вот один из типичных отзывов: «Село Коробейников о всегда славилось трудолюбием, совестью, набожностью. Без имени Господа глаз не открывали по утрам. Миром такой храм построили, каких нигде в округе не было» (цит. по: Ганаго, 2008, с. 55).

Высокое развитие нравственного опыта русского человека Н.О. Лосский видел в том, что он проявлял особый интерес к проблеме добра и зла и чутко различал примеси зла к добру, *зорко подмечал несовершенства всех своих поступков и нравов*, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра (Лосский, 1991, с. 242, 259). Согласно Ф.М. Достоевскому, *сознание своей греховности* дает русскому народу *стремление к идеалу* духовного восхождения. Сходные мысли высказывал по этому поводу Н.В. Гоголь: «А землепашец наш всегда казался мне нравственнее всех других и менее других нуждающимся в наставлениях писателя» (Гоголь, 1984, с. 433).

Вера русского народа, возможно, являлась в чем-то примитивной, включала примеси суеверия и язычества, но именно она отражала

мировосприятие и мировоззрение русского крестьянства. Как отмечал Н.А. Бердяев, русский человек не закален в догматике, в церковной вере, он довольствуется в своей повседневной религиозной жизни простой и краткой Иисусовой молитвой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Вся его духовная энергия «направлена на единую мысль о спасении: о спасении своей души, о спасении народа, о спасении мира. Поистине, эта мысль о всеобщем спасении – характерно русская мысль. Историческая судьба русского народа была жертвенна – он спасал Европу от нашествий Востока, от татарщины. ... Русский народ, быть может, самый духовный народ в мире» (Бердяев, 1990, с. 82, 85).

Многие русские писатели и философы указывали на то, что *рассудочное отношение к религии чуждо русским*. Оно воспринимается народом как плоское, поверхностное, мещанское и пошлое (И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, И.А. Ильин, А. Андреев и др.).

Крестьянское сознание связывало *нравственное поведение человека с состоянием его веры*. Судили о вере по аккуратным посещениям церкви, соблюдению постов и обрядов, по хождениям на богомолья, но особенно – по степени выполнения нравственных норм, поведению в целом. «Креста на тебе нет», – говорили человеку, совершившему бессовестный поступок, и, наоборот: «Живет по-божески, по-христиански», – о тех, кто был совестлив и милосерден.

Не только старшие в семье следили, чтобы молодежь не пропускала важные богослужения, но и вся община наблюдала за этим. Соседи укоряли мать, если ее сын был «ленив ходить к обедне». Одна семья, отличавшаяся особенно благочестивым образом жизни, могла оказать заметное влияние *на духовный настрой* всего сельского прихода (Громыко, 1991, с. 122).

Крестьянское благочестие выражалось также в почитании церковных праздников, чтении молитв перед едой, частых поклонах (при встрече с

соседями и другими мирянами, молитве при входе в дом). Хлеб пекли и еду готовили с молитвой; по утрам съедали по кусочку просфоры и выпивали по глотку святой воды; почитали и слушали старших, на всякое дело испрашивали благословение у Бога и у старшего в семье; собственное жилище, хозяйственные постройки и животных окропляли святой водой и освящали священными предметами: вербой, четверговой свечой, солью. Освящали в Церкви первые плоды, которые до освящения не употребляли: хлеб нового урожая – первый сжатый сноп-«именинник», распустившиеся деревья – вербу, березку – и хранили эти освященные предметы как святыни за иконами в Красном углу. Накануне большого праздника в доме перед иконами затепляли лампы.

Ярким показателем религиозности русского народа выступает существовавший издревле феномен *духовного побратимства*, когда люди, не состоявшие в кровном родстве, но близкие по духу, обменявшись нательными крестами, становясь таким образом побратимами, «крестовыми братьями», людьми, связанными навек обязательствами любить и поддерживать друг друга в любых жизненных ситуациях. Русская пословица гласит: «Духовное родство пуще плотского» (Даль, 1957, с. 244).

Наиболее древней формой было *ратное побратимство*, когда крестовые братья обязывались помогать друг другу в бою, в случае ранения или плена. Именно эта форма побратимства нашла отражение в эпосе, обретая символическое значение. В частности, пример побратимства представлен в сцене боя Ильи Муромца и Добрыни Никитича. В схватке, как следует из повествования, побеждает Добрыня, потому что у Ильи нога повредилась, «ослабла у Илеюшки лева ручушка». Добрыня «сплыл» [вскочил – Е.С.] ему на белые груди. Но узнав Илью Муромца, он просит у него прощения. Примирение богатырей заканчивается «обметом» крестами и превращением в побратимов:

«Ишша хочет пороть груди белыя,

Он хочёт смотреть ретиво серьцё.

Но узнав, с кем боролся,

Да скакал тогда Добрынюшка со белых грудей,

Берё-де Илеюшку за белы руки,

Ай чёлуё в уста-ти во сахарныя:

Ты просьти миня, Илеюшка, в таковой вины,

Шьто сидел у тебя да на белых грудях! –

Ишше тут-де *братаны-типо названелись;*

Ай, крестами-ти сами они покрестовались;

Ай, Илеюшка-то был тогда ведь больший брат,

Ай, Добрынюшка-то был тогда а меньший брат» (курсив мой – Е.С.)(цит. по: Святая Русь, 2007, с. 275).

В основе психологического феномена побратимства, как особой специфичной формы общения у нашего народа, лежали социальная (необходимость консолидации народа против внешних врагов) и идеологическая (христианская идея любви ко всем людям) причины.

Очень много отзывов относительно *народного благочестия* было оставлено иностранцами. Их мнение особенно важно, ибо они выступали как сторонние наблюдатели, и их суждения поэтому можно считать непредвзятыми и объективными. Как отмечал Н.О. Лосский, «иностранцы, внимательно наблюдавшие русскую жизнь, в большинстве случаев отмечают выдающуюся религиозность русского народа» (Лосский, 1991, с. 252). В книге «Путь Марфы и путь Марии» Грахам отмечает, что «с англичанами разговор кончается беседой о спорте, с французом – беседой о женщине, с русским интеллигентом – беседой о России, а с крестьянином – беседой о

Боге и религии. Русские могут беседовать о религии шесть часов подряд. Русская идея – христианская идея; на первом плане в ней – любовь к страдающим, жалость и внимание к индивидуальной личности» (цит. по: Лосский, 1991, с. 252).

Для подтверждения этого положения приведем *ряд оценок иностранцев о религиозности русского народа* (цит. по: Россия – это сама жизнь, 2004, с. 277–290):

– «Благой обычай и счастье народное – соблюдать святыя бдения и посещать заутрени, и обязательно бывать у святой литургии, мало спать и рано вставать, поздно есть, смирать тело множеством поклонов и постов. Это – наиглавнейшая причина сохранности сего государства. Это действительно истинная и высшая твердыня» (Крижанич, 1901).

– «Служба была большая, продолжительная и торжественная. Мы вышли из церкви лишь при восходе солнца, умирая от усталости и стояния на ногах... В эту ночь мы столько натерпелись от холода и стужи, что едва не погибли, особливо потому, что стояли на железных плитах: Бог свидетель, что душа чуть не покинула нас. ... Что за всеобщные бдения! Более всего нас удивляло, что дети и малютки... стояли с непокрытой головой, неподвижно и не шевелясь, как статуи. *Какая выносливость! Какая вера!*» (курсив мой – Е.С.) (Алеппский, 1898).

– «Когда русский отправляется к другому в дом или комнату, он сначала воздает честь Богу и произносит свое: “Господи помилуй!”. Только после этого он начинает говорить с людьми. В дом он входит, как немой, ни на кого не обращая внимания, хотя бы даже десять и более человек находились в помещении. Он, прежде всего, обращается к иконе» (Олеарий, 1906).

– «В этой стране все, и Царь, крестятся перед образами и кланяются им до земли, серьезно прося помочь в делах, в которых нуждаются. Все обязаны

по закону иметь образа в домах, и на воротах в каждом городе и городке поставлены образа, перед которыми народ крестится и кланяется, бьет головой о землю; то же, когда проходят мимо церкви или креста» (Неизвестный английский автор, 1884).

– «Ежедневно [русские крестьяне – Е.С.] ходят в церковь, и хотя двери заперты бывают, однако перед ними крестное знамение на себе изображают, на колени падают и поклоны кладут до самой земли. Церкви их украшены многими иконами, которые как скоро увидят, тотчас поклоняются им. Также всяк из них содержит по домам образы, и им особливую честь воздают; на грудях носят крест и почитают оный по своему обычаю» (Ульфельд, 1883).

В программу Этнографического бюро кн. Тенишева был включен *вопрос о посещении крестьянами церкви*. На него откликнулись почти все корреспонденты из разных регионов страны, дававшие ответы на вопросы анкеты. В них также отмечается *глубокая религиозность* как национальная черта русского человека.

Так, крестьянин Ф.Ф. Шутов из деревни Песьи Веретьи на Вологодчине Вельского уезда сообщал, «что в праздник его односельчане встают в пять часов утра и отправляются в церковь, расположенную в трех верстах от деревни, – на утреню и обедню. Одеваются все празднично, несмотря на ранний час» (цит. по: Громыко, 1991, с. 111).

Все корреспонденты указывали, что крестьяне посещают церковь в воскресные дни и праздники. В будни же обычно в нее ходят лишь те, кто заказывает обедню или сорокоуст по конкретному поводу – например, в связи с кончиной близкого человека (девятый, двадцатый, сороковой день), либо Великим постом, когда службы проводятся в среду, пятницу и субботу. В это время церковь посещают преимущественно те, кто говеет и готовится к Причастию (там же, с. 112).

Крестьяне ходят в церковь чаще зимой и осенью, когда становятся свободнее от хозяйственных работ, летом же, в период страды, – реже. Если

храм находится далеко, то посещения прерываются на время снежных заносов и распутицы. Из самых отдаленных от церкви деревень, связанных с селом плохими дорогами (через болота, например), ездят или ходят в Храм лишь на самые большие праздники – Пасху, Троицу, Рождество – а также на храмовые и заветные (обетные). Последние связаны с обетом, данным отдельным человеком или целой деревней, – например, по случаю счастливого избавления от болезни, стихийного бедствия или иноземного нашествия (там же). *Благодарность Богу* как черта национального характера была сильно развита у русского крестьянина.

Корреспондент из села Петушково Карачаевского уезда Орловской губернии подметил, что на основные праздники «в церкви более бывают мужики, а по воскресеньям – более бабы и подростки» (там же). При этом в оценке различий в количестве посещений церкви мужчинами или женщинами информаторы расходились. По мнению П. Каманина из села Домнино Меленковского уезда Владимирской губернии, в церковь чаще ходят женщины. Ему вторил корреспондент из Лозичской волости Боровичского уезда Новгородской губернии, утверждавший, что женщин в церкви всегда бывает больше, чем мужчин, что они вообще ревностнее относятся к вере, носят туда детей, поминают усопших. В отличие от этого, Е.И. Иванов, учитель земской школы из села Георгиевского Белозерского уезда Новгородской губернии, полагает, что «мужчины обыкновенно ходят в церковь чаще, нежели женщины» (там же).

Все корреспонденты сходились в том, что в церкви крестьяне ведут себя *чинно, степенно, благопристойно*. «Не было случая, чтобы кто-либо пришел в церковь нетрезвым», – писали из деревни Рыбково Смоленской губернии (там же).

О набожности и благочестии крестьян Пошехонского уезда говорится в описании, присланном в Географическое общество священником А. Архангельским: «Добрые качества здешних жителей суть: набожность,

благотворительность и гостеприимство. Набожность выражается в усердии к храму Божию. Здешний народ любит часто ходить в церковь для молитвы и непременно бывает у службы по воскресеньям и праздникам; не приходят только отсутствующие из селения и больные. Приходя в церковь, всегда ставят свечи многим святым иконам, и это же делают у себя дома, когда молятся. Так, например, по утрам или ввечеру затепливают перед домашними иконами свечу или две, либо лампаду с деревянным маслом, а в праздник перед каждою иконою ставят по свече. На дому и особенно в храмах Божиих молятся усердно и с благоговением, стоят в церкви с благочестием; часто служат молебны Спасителю, Божией Матери и многим угодникам, которых часто призывают на помощь. Свято соблюдают посты, в Великий пост и на Страстной неделе ходят в церковь молиться, исповедаются и приобщаются Святых Тайн. Соблюдают также пост по средам и пятницам и все прочие посты: Петров, Успенский и Рождественский. Сверх того, многие женщины налагают на себя произвольные посты, например, по понедельникам, а другие вовсе не едят мяса и рыбы. Здешний народ, особенно женщины, любят также приносить в храм Божий дары, как-то: новины, свечи, ладан, масло, навешивают на иконы полотенца, платы шелковые, разные ткани и другие вещи. Наконец, набожность здешнего народа видна и в том, что он часто поминает своих родителей или во время проскомидии, или в известные дни; заказывает обедни по усопшим, особенно по тем из них, которые умерли недавно; ходит для молитвы, хотя и в недалеком расстоянии, к явленным и чудотворным иконам и в ближайшие монастыри» (Архангельский, 1854, с. 48–49).

П. Левитский в статье «Черты нравов крестьян Тотемского уезда» отмечает: «Все крестьяне отличаются большой набожностью, сильно заметно усердие к церкви, за исключением разве поселений по реке Кокшенге и окрестностям, где менее заметно усердие к церкви. Вообще же редкий из поселян за леностью и нерадением останется в праздничный день дома.

Каждый непременно идет в церковь, где между Утреною и Литургиею во многих из приходо́в есть обыкновение слушать или Пролог, или Четью-Минею» (Левитский, 1862, с. 56).

Существенное влияние на нравственное развитие крестьян оказывали проповеди, которые произносились в сельских храмах каждое воскресенье, а в праздничные дни – после заутрени и во время Литургии. К моменту проповеди все придвигались ближе к аналою, чтобы лучше слышать. Наступала полная тишина. После службы крестьяне обсуждали содержание проповеди (Громыко, 1991, с. 113). Священник села Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда отец А. Архангельский отмечал в 1854 году, что «крестьяне хорошо понимают религиозно-нравственные поучения и долго их помнят» (Архангельский, 1854, с. 46).

Подтверждением этому служат слова действительного члена Императорского Русского Географического Общества А. Киркора в статье «Этнографический взгляд на Виленскую губернию», который отмечал по этому поводу: «Народ здешний – еще дитя в отношении умственного развития, невосприимчив, склонен к подражанию, и трудно вообразить, как заразительны здесь примеры дурного, и как легко прививаются семена доброго. Умный, благородный священник, с самоотвержением посвящающий все свои часы своей пастве, вникающий в ее нужды, подающий добрые советы, а притом отличающийся и личным безукоризненным поведением, может руководить крестьянами, как детьми, потому что глубина их прекрасна, и Господь наделил их высокими достоинствами: кротостию, набожностию, любовью родного края!» (Киркор, 1858, с. 176).

О характере местных жителей наблюдатель Географического общества, штатный смотритель Тотемских училищ, Павел Левитский замечает: «Крестьяне вообще нрава миролюбивого, тихого и немстительного, за исключением разве селений по реке Кокшенге и окрестностей, у жителей

которых нравы несколько суровее. Мягкость, терпеливость, немстительность преобладают в народе» (Левитский, 1862, с. 54).

О том же пишет и А. Киркор в аналогичной статье: «Отличительные, характеристические черты нравственных свойств русских в здешнем крае составляют: смирение, набожность и необыкновенная любовь к родине» (Киркор, 1858, с. 174–175).

Удивительна та *высшая степень гостеприимства и необыкновенной вежливости* хозяев, *смешанные со смирением и желанием угодить гостю* и сопряженная с поясными и земными поклонами по отношению к нему, свойственная часто упоминаемым жителям тотемских селений по реке Кокшенге и окрестностям, описанная тем же наблюдателем: «В поселениях по реке Кокшенге, где нравы несколько суровее и менее заметно усердие к церкви, при встрече почетного гостя в доме или даже на крыльце имеют обыкновение все встречающие кланяться в ноги. Таким же поклоном сопровождает хозяйка, только уже вдруг всем гостям, сидящим у нее за столом, каждое блюдо, поданное ею на стол. То же самое делает хозяин при подаче стакана вина и перед дорогим гостем; если он не пьет, в добавок к поклону становится на колени, и не прежде встанет, пока весь стакан не будет выпит» (Левитский, 1862, с. 56).

Священник Н. Лебедев приводит описание быта крестьян Тверской губернии Тверского уезда и их психологических характеристик: «К числу добрых качеств крестьян нашего округа должно отнести набожность: по воскресеньям они довольно часто ходят в церковь, но редко в праздничные дни, бывающие на неделе, хотя бы и случился двенадесятый праздник. В дни Святой Пасхи, до принятия образцов в дома, не пьянствуют. Парни и девки вместо песен поют в эти дни “Христось Воскресе”. Жаль только, что такое благочестивое воздержание не соблюдается в храмовые праздники» (Лебедев, 1853, с. 198).

Черты особой религиозности отражены также в следующих отрывках: «Перед двенадцатыми и другими праздниками многие говеют последнюю пятницу, т.е. предыдущую дню предстоящего праздника. Каждая из так почитаемых пятниц имеет особое значение; говение пятницы состоит в том, что целые сутки не едят хлеба и не пьют даже воды. Все 12 пятниц говеют от разных болезней и несчастий. Каждая из пятниц имеет, впрочем, свое особое значение» (Килевейн, 1861, с. 44).

«Говоря о нравственных качествах здешних крестьян [Ярославская губерния – Е.С.], во-первых, должно сказать, что они набожны и к храму Божию усердны. В воскресный или праздничный день церковь всегда полна: есть старички, которые в эти дни, зимою и летом, приходят за восемь и более верст, всегда пешком, до утреннего пения, какова бы ни была погода; есть, которые решительно не пропускают ни одной воскресной и праздничной службы. К исповеди и святому Причастию каждый приходит ежегодно, а старички и старушки – два, три и более раз в год: опущение бывает редко, и то разве за отлучкою, или по другой уважительной причине» (Преображенский, 1853, с. 102).

Обязательным условием религиозной жизни русского крестьянства было *совершение молитвы, исповеди и принятие Причастия*. В рукописи из Тульской губернии Новосильского уезда подчеркивается крестьянское благочестие: «Здешний народ имеет добрые качества. Его набожность в простоте веры и гостеприимство достойны подражания. Не говоря о хождении в церковь, об усердном и добровольном исполнении христианских обязанностей – исповедания и причастия – набожность крестьян видна и в их частной жизни. Они не сядут за стол, не помолясь, не начнут и не окончат никакого дела, не перекрестясь; по окончании уборки хлеба почти всякий старается выказать особенное усердие и набожность, приглашая священника со святыми иконами в свой дом для благодарственного молебна» (Руднев, 1854, с. 109). Высокая набожность не позволяла крестьянам отказать в

приюте нуждающемуся страннику или нищему. «Лавку в переднем углу и последний кус хлеба крестьянин всегда готов с душевным усердием предоставить нищему» (там же, с.109).

Примечательно, что крестьянин, который длительное время не исповедовался и не причащался, лишался права быть свидетелем на суде(Громыко, 1991).

Крестьяне заботились о чистоте души; этой цели служила исповедь. Совершали ее даже маленькие дети, начиная с семилетнего возраста.

Очищению души способствовал и широко распространенный среди крестьянства *обычай просить прощения* у близких и даже у малознакомых людей. «Русского человека вообще отличала *способность прощать*» (Волков, 2004, с. 61).

У близких прощение просили перед долгим расставанием, кланяясь, согласно русской традиции, “по-крестьянски” – низко, в пояс. Смысл этого обычая заключался в том, чтобы в разлуке не тяготило сознание собственной вины, и родственники не «поминали лихом». Просили прощения также женщины, чувствующие приближение родов, низко кланяясь в ноги каждому члену своей семьи, а также те, кто долго не мог родить.

Испрашивали прощения и перед каждой исповедью и причащением. Широкую возможность помириться с близкими после больших или малых обид давал *обычай испрашивать прощение* у всех, даже тех, кто повстречался на дороге, в последний день масленицы – Прощёное Воскресение. После бурного веселья последней перед Великим постом недели, во время которой на долгое время расставались со скоромным столом и другими мирскими радостями, *обычай просить прощения* заставлял *ощутить переход к повышенным нравственным требованиям* по отношению к самому себе, к строгости семи недель, продолжавшихся до самой Пасхи.

Виновный человек просил прощение у обиженного им прилюдно, на мирской сходке. В этом случае сумма возложенного на него штрафа уменьшалась вдвое(Громько, 1991).

Практика прощения определяла и такую черту русского народа, как *отсутствие злопамятности*. По мнению Достоевского, «русские люди не способны ненавидеть долго и серьезно» (Достоевский, 1994, с. 45). *Мстительность* была не характерна для крестьянского общества. Один из собирателей этнографических материалов, С.Я. Дерунов, записал в конце XIX в.: «Мщения русский народ почти не понимает» (цит. по: Громько, 1991, с. 126). Признавали либо непосредственную и открытую реакцию на обиду, либо прощение вины.

Мощным средством нравственно-духовного воспитания русского крестьянина являлась *ежедневная молитва*. Она поддерживала человека в трудных жизненных ситуациях, вселяла в него надежду и уверенность в благополучии своем, своих близких, своей Родины, создавала духовное мироощущение. Об этом красноречиво свидетельствуют стихи Ф. Никольской:

«Я за дом родной помолюсь и за всю крещеную Русь.

Речка, лес да поле кругом и на всех один Божий Дом».

И следующие строки:

«Ровно теплится лампадка: бережет семьи очаг.

В доме благодать и радость, где с молитвой каждый шаг»(URL: Никольская).

О чем же просил крестьянин Бога и Пресвятую Богородицу? О хлебе насущном, о ниспослании ему силы телесной для подкрепления при

выполнении непосильного труда и несении тяжелого крестьянского креста в смирении и чистоте сердца.

Отвечая на вопросы анкеты исследования, проводимого Тенишевским бюро, корреспонденты из села Берёзово Лихвинского уезда Калужской губернии писали: «Домашняя молитва утром и вечером, а также перед едою считается обязательною». Из села Верхотишанки Тульской губернии в ответах по программе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) утверждалось, что «крестьяне встают рано, умываются и молятся, обращаясь к стоящим в переднем углу образам». Из Новгородской губернии учитель земской школы писал: «В каждой семье и каждым членом ее совершается молитва перед иконами утром, вечером, до и после обеда» (цит. по: Громько, 1991, с. 111).

Учительница М. Михеева из деревни Талызиной Орловского уезда отметила *сезонные различия в усердии к домашним молитвам* – в зависимости от занятости и усталости крестьян. Летом молились меньше. Зато уж под праздник молодые мужики, «прежде вымывшись, потом сядут за стол, прочитают Евангелие вслух, а после ужина помолются усердно Богу, предварительно зажгут лампадку и свечи перед каждой иконой. В это время и бабы становятся на колени и детям приказывают молиться усерднее».

Летом некоторые выходили на улицу и молились в ту сторону, где стоял Храм или на восток. Старухи в теплое время года молились большей частью на дворе между хозяйственными делами, а заканчивали молитвы в избе. «Многие старухи еще поднимаются в полночь Богу молиться», – сообщила Михеева. Считалось, что такая молитва будет обязательно услышана, зачтена и прогонит нечистую силу. Под большие праздники ночью молились почти до самой зари. Зимой женщины, по отзыву того же информатора, «как только встают рано утром, прежде всего спешат помолиться Богу и положить несколько поклонов» (там же). Особенно интересно наблюдение талызинской учительницы о том, что все крестьяне

старались молиться так, чтобы их в это время никто не видел. В основе такой молитвы лежало евангельское указание о том, что получивший награду в похвале от людей, не обретет ее на небе. Кроме того, считалось, что, молясь втайне от людей и от посторонних взглядов, человек пребывает в общении наедине со своим Отцом Небесным, и его просьбы и раскаяния будут скорее услышаны. Когда зимою холодно было молиться в укромном месте вне избы, старики выжидали, чтобы дети заснули. Молились все крестьяне, как правило, вслух. Говорили, что так делали святые угодники. Детей заставляли молиться утром и вечером (там же, с. 113).

Подобных ответов – сотни: практически из всех губерний и уездов России. Встречаются и такие наблюдения: *молятся горячо*, но отклоняются от канонов по неосведомленности. Разумеется, крестьяне не были богословски образованными людьми, но домашняя молитва, как и посещение церкви, органично входили в их духовно-нравственную жизнь. Утверждение о том, что неграмотный крестьянин не знал Православия, так как не читал Священного Писания, не вполне справедливо, поскольку церковная служба неизменно включала чтение отрывков из Евангелий, Деяний и Посланий апостолов и Ветхого Завета. Регулярно посещавшие церковь в течение многих лет прихожане хорошо знали эти тексты. Разумеется, степень внимания, восприятия и памяти у крестьян, как и у представителей других социальных групп, характеризовались индивидуальными различиями, но неграмотность не служила препятствием к освоению азов богословского знания. Кроме того, в некоторых крестьянских избах было свое Евангелие, а иногда и другие духовные книги (там же, с. 123).

В ходе наблюдений А.П. Чехова за жизнью крестьян деревни Жуково у него сложилось иное представление относительно уровня народного благочестия: «Вера стариков была тусклая, они признавали сверхъестественное, но редко думали о Боге, считали, что это может касаться одних лишь баб. Старухи не помнили молитв и обыкновенно по вечерам

перед сном становились перед образами и шептали: “Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троеручицы Божьей Матери...”. Все перемешалось в памяти, и едва они начинали думать о грехах, о смерти, о спасении души, как нужда и заботы перехватывали их мысли, и старуха тотчас же забывала, о чем думала»(Чехов, 1985, с. 306).

По утверждению писателя, женщины помоложе крестились и говели каждый год, но ничего не понимали в богослужении. Детей не учили молиться, ничего не говорили им о Боге, не внушали никаких правил и только запрещали есть скоромное в пост. С тех, кто в Великом посту не успевал отговориться, батюшка на Святой, обходя с крестом избы, брал по 15 копеек, подобно тому, как за неуплату повинностей (там же). Таким образом, соблюдение поста оборачивалось *простой обрядностью*. Автор делает заключение, что в русской дореволюционной деревне имело место только *соблюдение формальных внешних религиозных правил и обрядовости* (и при обязательной молитве, и при говении).

В то же время А.П. Чехов отмечает сильную *тягу к просвещению, любознательность* русских крестьян: «Все любили Священное Писание, любили нежно, благоговейно, но не было книг, некому было читать и объяснять, и за то, что некоторые грамотеи иногда читали Евангелие вслух, их уважали и все обращались к ним на “Вы”»(там же).

Раз в год в описываемой писателем местности происходило настоящее *«религиозное торжество»*, *«подъем религиозного чувства»*. Это бывало в августе, когда по всему уезду из деревни в деревню носили икону «Живоносную»: «Икону принесли в Жуково под вечер с крестным ходом с пением, и в это время за рекой трезвонили. Громадная толпа своих и чужих запрудила улицу; шум, пыль, давка... И старики, и бабки, и бабы, и трезвые, и пьяные мужики – все протягивали руки к иконе, жадно глядели на нее и говорили, плача: “Заступница, Матушка! Заступница!” Все как будто вдруг поняли, что между землей и небом не пусто, что не все еще захватила богатые

и сильные, что есть еще защита от обид, от рабской неволи, от тяжелой, невыносимой нужды, от страшной водки. Крестьяне рыдали: “Заступница, Матушка! Матушка!”. Но отслужили молебен, унесли икону, и все пошло по-старому: и опять слышались из трактира грубые, пьяные голоса» (там же, с. 307).

Думается, что свидетельства об истинной *набожности и благочестии* русского народа, поступающие из самой крестьянской среды и *отражающие типичные, традиционные формы поведения и мировоззренческие установки*, являются наиболее точными и объективными, будучи подтвержденными обширным материалом наблюдений систематических актов жизнедеятельности, нежели мнение писателя, базирующееся на достаточно ограниченном опыте исследования этой проблемы. Подтверждением тому служат слова В. Соловьёва *о глубокой, укорененной в русской душе, хотя и стихийной вере в Бога*, часто даже не подкрепленной знанием богословских текстов и не проявляющейся в формальных обрядовых формах. И именно эта вера во многом определяла ценные качества русской души, отвращала людей от греховных деяний, помогала им стойко переносить все превратности нелегкой крестьянской судьбы.

Данные земских обследований 80–90-х годов XIX века убедительно говорят о преобладании духовно-нравственной литературы в области читательских интересов русских крестьян. Это относилось, как к изданиям, покупаемым, взятым в школьных и приходских библиотеках, у частных лиц, переданным по наследству, так и к рукописным книгам. Грамотные крестьяне читали Евангелие, жития святых и другую духовную литературу вслух в семье, соседям, иногда на специально собираемых для этого встречах. Чтение вслух в дореволюционной деревне было отмечено в многообразных источниках (Громыко, 1999, с. 657).

Система обучения грамоте в деревенском образовании основывалась, как известно, на духовной литературе, прежде всего, на Псалтыри, т.е.

обучение основам Православия, чтению и письму осуществлялось в неразрывном единстве. Особенно явно особенности народной педагогики проявлялись в так называемых вольных школах, организуемых самими крестьянами (с наймом несколькими семьями на 3–4 месяца учителя для детей) (там же).

Непременной принадлежностью каждой крестьянской избы были *иконы*. Располагались они в Красном, или Святом, углу, обращенном обычно к востоку, на Божнице (киоте). В любом доме находились иконы Спасителя и Божией Матери. Кроме них в крестьянских избах были образа наиболее известных и почитаемых в России в целом или в данной местности святых – Николая Чудотворца, Иоанна Воина, Преподобного Сергия и др., либо особо чтимых в данной семье угодников, например, Параскевы Пятницы, Питирима Тамбовского, Василия Рязанского. В Красном углу хранился и металлический поклонный крест. Ценились старые кресты, простоявшие долгое время на Божнице. Даже в избах очень бедных крестьян висели лампы, которые зажигали на короткое время и лишь под большие праздники (там же).

Строгое соблюдение постов являлось нормой крестьянского поведения. Благодаря материалам, накопленным Русским Географическим обществом и Этнографическим бюро кн. В.Н. Тенишева, имеется возможность показать значительную роль постов в жизни русских крестьян.

Крестьяне внимательно следили за соблюдением постов, сроки которых были известны в деревне всем: от мала до велика (Громыко, 1991, с. 114). По мнению крестьянства, несоблюдение поста считалось «богоотступничеством», воспринималось крестьянским сообществом как даже более тяжкий грех, нежели воровство. Нарушители поста подвергались осуждению общественным мнением и различным санкциям – вплоть до запрета участвовать в общественной жизни села. В этом вопросе письменные свидетельства местных жителей разных губерний России отличаются единообразием – «крестьяне посты соблюдают строго». Лишь в некоторых

сообщениях отмечалось, что в последнее время (конец XIX века) к нарушению постов крестьяне стали относиться более снисходительно.

При более подробной информации выявляется неодинаковое отношение к различным постам. Особенно большим грехом считалось нарушение Великого поста; почти такое же отношение было к Успенскому посту и к отдельным дням строгого поста (Рождественскому и Крещенскому сочельнику, дню Ивана Постного и Воздвижению). Нарушение остальных постов воспринималось обычно как менее тяжкий грех.

При общей религиозной основе взглядов на посты существовало немало местных отличий, половозрастных особенностей и социальных градаций в их соблюдении. Корреспондент из Тальнинской волости на Орловщине особенно четко изложил эти различия. Он, как и другие, отметил самое строгое отношение к Великому и Успенскому постам, а также постничанье по средам и пятницам: некоторые в эти дни на постах едят только один раз хлеб с водой, «и то не вдоволь». Старики и квас в эти дни пить считали грехом. «Мужики Великим и Успенским постом не пили водку» (там же, с. 116). По сведениям других исследователей, «выпивающие и даже пьяницы перестают пить в Великий пост, однако же, с Пасхи сразу начинают пить во всю ширь русской природы»(Фирсов, Киселёва, 1992, с. 14).

Во время постов крестьяне воздерживались от брани и ссор между собою. «Нонча не такие дни, чтобы ругаться, люди мало хлеба едят» (цит. по: Громько, 1991, с. 114). Поститься – значит не только ограничивать себя в питании, но и в еще большей степени не допускать ничего недостойного по отношению к ближним и окружающим. В соблюдении поста русский народ видел *путь ко спасению*.

Уроженка Тамбовской губернии М.И. Добросердова (1909 г.р.) так характеризует значение поста: «Нравственное – это шло от поколения к поколению, от дедов-прадедов и к нам... Все было богобоязненно,

богопочитаемо... Пост – это для спасения души, вот что главное, других объяснений нету» (цит. по: Воронина, 1995, с. 36). Таким образом, можно сделать вывод *о роли постов* как важных регуляторов поведения крестьян и их нравственного воспитания, с одной стороны, и об адекватной оценке функций и значения поста в народной среде, с другой стороны.

Во время постов запрещалось пение песен не только взрослыми, но и детьми, так же как и любое веселье, радостное времяпровождение. Особенно сильно эти ограничения касались периода Великого поста. Как пишет еп. Варнава (Беляев), «первая седмица справляется крестьянами строго. Замолкают песни веселых масленичных дней, даже на ледяной детской горе не видно ни одного мальчика» (Беляев, 1996, с. 43).

Во время Великого и Успенского постов старались не есть первую еду рано, в особенности по средам и пятницам. Молодые женщины говели до позднего обеда, «разве только та баба позавтракает, которая кормит грудного ребенка или нездоровая» (Громыко, 1991, с. 114). Исключение делалось для больных, беременных, которые спрашивали у священника разрешения на нарушение поста, и он всегда его давал: «По болезни можно есть». Детей малых кормили, когда попросят. Но с трех лет во время Великого Поста молока им не давали(там же). В конце Страстной недели хозяйки пекли куличи в обстановке строжайшего поста и молитв. При этом никто даже и не думал попробовать хотя бы крупицу скоромного теста или творожной массы, именуемой Пасхой (Семевский, 1882, с. 92–93).

Существовало множество постных дней, соблюдавшихся русскими крестьянами. Для невест, долго не выходящих замуж, был установлен дополнительный день для поста– понедельник и особенно строгий пост в пятницу. А «накануне и в самый день свадьбы невесту совсем замытарят: оба эти дня она говеет, в самый день свадьбы строжайший пост! Просфора да святая вода» (Скавронский, 1993, с. 93).

Детей своих крестьяне с трехлетнего возраста также приучали соблюдать посты. Система представлений и норм поведения, связанных с постами, имела большое значение для развития внутренней нравственной дисциплины ребенка, укрепления силы воли, формирования умения ограничивать себя, соблюдать запрет. Пост помогал детям осознать, что не все, что хочется, дозволено. Воспитывалось понятие о превосходстве духовного начала в человеке над телесным. В пример детям ставились те крестьяне и святые, которые постились особенно строго. Считалось, что человек тем и отличается от животного, что «сила духа в нем позволяет одолеть хотение» (Громыко, 1991, с. 115).

Для тех из молодых, чье поведение не определялось верой, было достаточно, как правило, слова старших, следивших в каждой семье за строгостью соблюдения поста. Послушание молодежи, живущей в родительской семье, было беспрекословным. До выделения из отцовской семьи в самостоятельное хозяйство сын должен был подчиняться родителям во всех делах – и хозяйственных, и личных (там же, с. 143).

На роль родителей в духовно-нравственном воспитании детей указывает обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев: «Счастливы тот, кого с детства добрые и благочестивые родители приучили к храму Божию и ставили в нем посреди народа молиться всенародной молитвой, праздновать всенародному празднику. Они собрали ему сокровище на целую жизнь, они ввели его подлинно в разум духа народного и в любовь сердца народного, сделав для него церковь родным домом и местом полного, чистого и истинного соединения с народом» (Победоносцев, 1993, с. 264–265). Таким образом, подчеркивается, что разум и сердце народа были полностью преданы Православию, и церковь являлась его «родным домом, местом», где можно было обрести единство взглядов и убеждений.

Следует отметить, что посты сочетались с трудовой деятельностью крестьянина и сельскохозяйственным календарем. Причем, связь эта была не

только внешней, но и имела религиозно-нравственный смысл. В ее основе лежало представление о том, что ограничения телесных потребностей угодны Богу и благоприятны для успеха в труде (Макаренко, 1913; Селиванов, 1987; Воронина, 1997, с. 123).

В религиозности народа коренился огромный нравственно-духовный потенциал, убеждение в важности праведной земной жизни как условия обретения вечной жизни в «Граде Божьем».

Глубоко в душе русского народа был жив *дух странничества*, который выражался в любви к пешим путешествиям и паломничествам по святым местам. Н.А. Бердяев отмечал, что «тип странника... характерен для России... Странник – самый свободный человек на земле... Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника...» (Бердяев, 1990, с. 17).

Крестьяне со своими детьми часто ходили на богомолье и на поклонение святым, как в близлежащие, так и в далекие монастыри, расстояние до которых могло составлять от одного дня пути до целой недели. Ходили преимущественно осенью, в пору окончания полевых работ или сразу же после Пасхи. «Русский народ вообще богомолен: сходить на богомолье – почитается делом святым; это есть желание потрудиться для Бога. С двумя или тремя грошами в кармане, сберегаемыми на свечку или общий молебен, иная старушка или старик едва передвигая ноги, плетутся иногда Бог весть из какой дали на поклонение святыне. Богомольцы редко ходят в одиночку, но всегда идут небольшими толпами. У каждого за плечами котомка или узелок с лепешками или сухарями да с небольшим запасом белья; к поясу подвешен кувшинчик для воды – вот и все запасы дорожного продовольствия; в руках палка. Ночлег где-нибудь, Христа ради, под навесом или просто у селения под открытым небом. Ноги, часто больные и опухшие от ходьбы, одежда и обувь, часто промоченные дождем насквозь, но ни жалобы, ни ропота, ни нетерпения не выражается на спокойных лицах, одушевленных силою веры.

И ходят таким образом ни десятки, ни сотни, а тысячи верст и, возвратясь домой, не только не хвалятся своим подвигом, но даже иной и не скажет об этом никому, разве к слову придется» (Селиванов, 1987, с. 102–104).

Представленная картина свидетельствует о *непритязательности* русского человека, довольствующегося сухариком в дороге и ночлегом под открытым небом; о *высоком уровне терпения* – способности во имя Бога странствовать и путешествовать в дождь и в холод, несмотря на больные, опухшие от ходьбы ноги; о *глубоко сокровенном, внутреннем религиозном чувстве*, не выставляемом напоказ, сокрытом от посторонних глаз.

А.И. Солженицын так описывает особенности понимания жизни русским крестьянством дореволюционного периода: «Пройдя проселками Средней России, начинаешь понимать, в чем ключ умиротворяющего русского пейзажа. Он – в церквях. Взбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, царевнами белыми и красными вышедшие к широким рекам, колокольнями стройными, точеными, резными, поднявшиеся над соломенной и тесовой повседневностью, – они издалека-издалека кивают друг другу, они из сел разобщенных, друг другу невидимых, поднимаются к единому небу. И где б ты в поле, в лугах ни брел, вдали от всякого жилья, – никогда ты не один: поверх лесной стены, стогов наметанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки... И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли – вечности. Этот звон...поднимал людей от того, чтоб опуститься на четыре ноги. В эти камни, в колоколенки эти, наши предки вложили все свое лучшее, все свое понимание жизни» (Солженицын, 1991, с. 157–158).

Таким образом, видно, что в то время «все также протекал быт по-православному. ... Россия еще жила старым укладом, а по селам и деревням и вовсе держались Православия, говорили природным языком, не засоренным

чуждыми заимствованиями. Благоухающие травы, таинственные леса и блескучие воды полноводных рек, колокольные звоны, благоговейная тишина молящихся в храме, радость и ликование праздничных дней – решительно все это заронило в чуткую душу крестьянства неотразимые впечатления» (Стрижѳв, 2001, с. 3–4)и, безусловно, способствовало формированию *особой ментальности русского человека*.

Проведенный анализ показывает, что мировоззрение крестьян носило религиозный характер. В его основе лежало представление о существовании мира земного и Града Божьего. Жизнь земная рассматривалась как подготовка к жизни вечной, в которой каждому человеку воздастся за его деяния. Формирующаяся на этой основе *система ценностей и идеалов выступала в качестве основного регулятора действий и поступков русских крестьян дореволюционного периода*.

Литература

Архангельский А. Село Давшино, Ярославской губернии Пошехонского уезда // Этнографический сборник. Вып. II «Собрание местных этнографических описаний России». СПб., 1854. С. 1–81.

Беляев Варнава. Тернистым путем к небу. М., 1996.

Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.

Волков В.М. Русская деревня. Труд, быт и нравы наших предков. М., 2004.

Воронина Т.А. Пост и религиозно-нравственные аспекты его соблюдения (к проблеме этнографического изучения русской духовной культуры) // Материалы 7-й конференции Свято-Тихоновского института. М., 1997. С. 121–126.

Ганаго Б.А. Когда же прозреем? // Б.А. Ганаго. О Промысле Божиим. Минск, 2008. С. 53–59.

Гоголь Н.В. Авторская исповедь // Н.В. Гоголь. Собр. соч.: В 8-и т. Т. 7. М., 1984. С. 430–467.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1873 год // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: В 15-и т. Т. 12. Л., 1994.

Ильин И.А. Богомолье. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=201> (дата обращения: 21.08.2017).

Килевейн Е. Путешествие в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856–1860 гг. // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1861. Вып. 1. С. 1–192.

Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом. СПб., 1858. Вып. 3. С.115–276.

Коринфский А.А. Народная Русь. М., 1994.

Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

Кураев А.В. Основы православной культуры, М., 2012.

Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1853. Вып. 1. С. 174–203.

Левитский П. Черты нравов крестьян Тотемского уезда //Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1862. Вып. 5. С. 54–58.

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характеррусского народа. М., 1991.

Никольская Ф. Село. Дом. URL: <http://www.files.tvspas.ru>. (дата обращения: 25.08.2017).

Преображенский А. Волость Покровско-Ситская, Ярославской губернии, Моложского уезда // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1853. Вып. 1. С. 61–125.

Россия – это сама жизнь.Заметки иностранцев о России с XIV по XX век. М., 2004.

Руднев А. Сёла Голубень и Новомихайловское Тульской губернии Новосильского уезда // Этнографический сборник. Вып. 2. СПб., 1854. С. 98–111.

Святая Русь. Русский образ жизни. Большая энциклопедия русского народа / Под ред. О.А. Платонова. М., 2007.

Солженицын А.И. Путешествуя вдоль Оки. (Из цикла «Крохотки») // Малое собр. соч. Т. 3. Рассказы. М., 1991. С. 157–158.

Стрижёв А. Василий Акимович Никифоров-Волгин. Биографический очерк //Никифоров-Волгин В. Заутреня Святителей. Избранное. М., 2001. С. 3–10.

RELIGIOSITY AND POPULAR PIETY THE RUSSIAN OF PRE-REVOLUTIONARY PERIOD AS THE BASIS OF ITS SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT

E.G. Sinyakina*

**Candidate of Psychology, research associate Laboratory history of psychology and historical psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).*

Abstract: Many factors (natural, geographical, social, religious, etc.) predetermined the peculiarity of the mental world of the Russian people and the originality of Russian culture in General. The main and most profound trait of Russian people is considered to be religious. It is the religiosity of the Russian people, rooted in Orthodox Christianity, the majority of researchers of this issue is seen as a deep foundations of the Russian mentality. Orthodoxy as the dominant feature of Russian national identity formed in the Russian people religiosity, the desire for absolute goodness, love of neighbor, humility, meekness, conscious of their sinfulness and imperfection, of self-sacrifice as the willingness to give his life "for his friends", sobornost and patriotism. In Orthodoxy concluded the religious source of Russian fortitude, patience, endurance and power of sacrifice of the Russian people.

Keywords: the Russian peasantry of pre-revolutionary period, the level of religiosity and popular piety, the foundations of it spiritual and moral development.